

Алла Морозова

***Голодовки членов Союза социал-демократической рабочей молодежи
в феврале – апреле 1922 г. (по материалам ЦА ФСБ)***

«Произведенной в ночь с 22 на 23 сего [1922] февраля операцией» на квартире Е. А. Додонова по адресу Знаменка, 13б были арестованы Лев Миронович Гурвич, Николай Георгиевич Зуев, Исидор Самойлович Рапипорт, Андрей Сергеевич Кранихфельд, Лев Соломонович Якубсон, Александр Николаевич Зимин, Давид Яковлевич Фальк, Борис Моисеевич Сапир, Елизавета Антоновна Тихомирова, Евгений Андреевич Додонов, Александр Пантелеймонович Вихляев¹. Натан Исаакович Зингаревич был арестован в эту же ночь у себя дома (л. 126), а Лев Семенович Ланде – 12 марта на улице (л. 310). К этому же делу было приобщено и дело члена Союза Александра Ароновича Брауде, арестованного МЧК 28 января 1922 г. по обвинению «в проживании без прописки и КР».

Гурвич, Зуев, Рапипорт, Кранихфельд, Якубсон, Зимин, Фальк, Сапир, Зингаревич были членами бюро Социал-демократического союза рабочей молодежи, Тихомирова и Додонов – членами Союза. 22 февраля они собрались на квартире Евгения Додонова на заседание Бюро СДСРМ. Вихляев, будучи школьным товарищем Додонова, в число арестованных попал случайно, поэтому после допроса он был на следующий день освобожден, а дело его прекращено (л. 76).

В ходе допросов все арестованные на вопросы, касающиеся «внутрипартийной жизни», «союза и его работы», и вообще вопросы «организационные» и «внутреннего распорядка» отвечать отказались. Часть из них никак не объясняла свой отказ (Е. А. Додонов (л. 15, 99), А. Н. Зимин (л. 116), Н. И. Зингаревич (л. 126), Н. Г. Зуев (л. 144), Е. А. Тихомирова (л. 221)), другие мотивировали его соблюдением партийной и союзной конспирации (А. А. Брауде (л. 41), Д. Я. Фальк (л. 50)), «соответствующим постановлением высших органов нашей партии», которое «вполне понятно для всякого честного революционера» (И. С. Рапипорт (л. 199, 200об.)), третьи прямо ссылались на «постановление МК РСДРП, опубликованное в Бюллетене МК, от первых чисел февраля с.г.» (Л. М. Гурвич (л. 84)), а также «постановление Бюро Союза, состоявшееся в скором времени после постановления ЦК РСДРП» (Д. Я. Фальк (л. 233 об.)). А. С. Кранихфельд пояснил, что отказывается «отвечать на вопросы, касающиеся партийной и союзной организации», т.к. согласно старому постановлению ЦК РСДРП и бюро союза молодежи московской группы на вопросы следователей ВЧК и прочих органов, так же, как в старое время на вопросы жандармских и охранных отделений, члены партии «должны отказываться отвечать» (л. 160об.). Л. С. Ланде отказался от дачи

¹ ЦА ФСБ РФ, Д. Р-40170. Л. 259 (далее ссылки на это дело даны в тексте в скобках).

показаний по вопросам, связанным с его партийной деятельностью, требуя гласного суда, потому что «практика ЧК достаточно показала, что одно только состояние в партии является поводом для заключения под стражу» (л. 295).

Никто из арестованных не признал свою вину (а обвинялись они в участии в нелегальном собрании, которое может нанести вред Советской власти), мотивируя это тем, что РСДРП и Союз с.-д. молодежи являются легальными организациями, члены с.-д. партии имеют своих представителей в Советах, а потому любое заседание членов этих организаций является легальным, а «каждая группа членов партии имеет полное право собираться когда и где угодно для разрешения любых вопросов» (л. 247об). «Что же касается вреда, который приносят такие собрания Советской власти, – заявил Л. С. Якубсон, – то и впредь ... как и вся партия, будем стараться вести возможную в настоящих условиях полицейского произвола идейную борьбу с преступной политикой большевистской партии, одновременной с все увеличивающимися уступками капиталу, оставляющему закрепощенным рабочий класс» (л. 247об.). Вообще, обсуждение вопросов партийной деятельности в стенах ГПУ как «органов административной расправы» арестованные находили неуместным и невозможным, а свой арест на основании предъявленных «никчемных» обвинений – неправомерным и требовали освобождения или гласного суда над собой.

Все арестованные 22 февраля вначале содержались во Внутренней тюрьме ВЧК, «разобщенные по разным камерам», в тяжелых условиях (отсутствие воздуха в камере, зловоние «параши», отсутствие книг, газет, передач, прогулок, скудное питание), причем обещание чекистов перевести их в тюрьму с более сносными условиями содержания через два дня не выполнялось. Следствием этого стала череда заявлений с требованиями или перевода в другую тюрьму (например, Бутырскую, что было ранее прямо обещано сотрудниками ВЧК некоторым арестованным), или «немедленного улучшения условий содержания», а именно – ежедневной часовой прогулки, получения книг и газет с воли, совместного содержания всех арестованных по этому делу, свиданий с родными. В своем заявлении Б. М. Сапир подчеркивал, что «Советская власть может формулировать в отношении социал-демократов какие угодно нелепые обвинения, но она обязана обеспечить арестованным социалистам человеческие, достойные революционеров, условия заключения. Подвергать же моральной и физической пытке заключенных социалистов советская власть не вправе» (л. 218). В случае отказа в удовлетворении своих требований арестованные, «чтобы оградить свое человеческое достоинство», обещали прибегнуть к «единственно имеющемуся в их распоряжении средству» – начать голодовку. В деле сохранились подобные заявления Б. М. Сапира от 1 марта 1922 г. о начале голодовки с 3 марта (л. 218) (это было уже второе заявление: в первом – от 27 февраля он обещал добиваться перевода в Бутырки

«всеми имеющимися в его распоряжении средствами» (л. 217)), Д. Я. Фалька от 27 февраля о начале голодовки с 12 часов ночи 2 марта (л. 235), Л. С. Якубсона от 2 марта о начале голодовки 4 марта (л. 254-254об.), А. Н. Зимины от 27 февраля о начале голодовки с 3 марта (л. 119).

3 марта 1922 г. зам. начальника 2-го отделения СОГПУ Н. Шиманкевич подал докладную записку пом. Начальника ГПУ А. Андреевой, в которой сообщал о поступивших за предыдущие два дня заявлениях, прилагая «справку о том, что 1. Зингаревич, 2. Гурвич, 3. Кранихфельд, 4. Зимин, 5. Фальк, 6. Сапир голодают первые сутки, т.е. объявили голодовку 3 сего марта» (л. 258). Исходя из того, что «вопрос о голодовке был членами Бюро поставлен и решен при самом аресте.., голодовка объявляется заключенными членами Бюро С. Д. Молодежи лишь только потому, что Бутырская голодовка с.-д. партии увенчалась успехом, превзошедшим их ожидания, что немедленное удовлетворение этих требований может довести до абсурда, а именно меньшевики будут объявлять голодовку при самом аресте, прикрываясь принадлежностью к "легальной партии", из которой вытекает их партийная "безусловно легальная" деятельность, что этой эпидемии голодовок волей-неволей когда-нибудь придется положить конец, тем более такой, как эта: заранее организованная, групповая», Шиманкевич предлагал требований, выставленных в заявлениях членов Бюро СДСРМ, не удовлетворять (там же).

После обещания, данного 7 марта уполномоченным 2-го отделения СОВЧК Герцманом арестованным, что не позднее 21 марта им будет предоставлена возможность «совместной сидки», а также «свидания, прогулки, газеты, книги, письменные принадлежности и т.п.», голодовка была прекращена. В своем заявлении Начальнику II отделения СОГПУ члены СДСРМ Б. Сапир, Л. Гурвич, Д. Фальк, А. Зимин, Л. Якубсон, Н. Зингаревич, А. Кранихфельд, И. Рапипорт подчеркивали, что, соглашаясь закончить голодовку на 5-й день, они продолжают считать, что лишение их газет и прогулок «даже на две недели до 21 марта не вызывается интересами следствия и может быть объяснимо лишь как желание ущемить чем-нибудь арестованных социал-демократов» и что они мирятся «с указанным лишением лишь вследствие состояния здоровья некоторых товарищей» (л. 314).

Однако чекисты обещания своего не выполнили, и арестованным вновь пришлось требовать от чекистов выполнения обещанного, угрожая им голодовкой. 20 марта подали соответствующие заявления Н. Зингаревич (о начале голодовки с 12 ч. ночи 24 марта) (л. 302) и Д. Фальк (с 12 ч. ночи 24 марта) (л. 382), 22 марта – Л. Якубсон (с 12 ч. дня 23 марта) (л. 313-313об.) и А. Зимин (с 12 ч. 24 марта) (л. 326). 21 марта Б.Сапир писал Герцману: «Сейчас я требую немедленного осуществления всех требований голодовки, исполнение которых Вы гарантировали к 21 марта, и довожу до Вашего сведения, что нарушение Вашего слова получит соответствующую отповедь с

нашей стороны» (л. 320). 22 марта Гурвич, Зимин, Зингаревич, Кранихфельд, Рапипорт, Сапир, Фальк и Якубсон были переведены в Бутырскую тюрьму и помещены в общую камеру, 24 марта с товарищами воссоединился Ланде. Однако комендант тюрьмы получил предписание содержать их на общеуголовном режиме. «Против этой новой репрессии, являющейся ... по существу нарушением условий прекращения голодовки», они протестовали в своем заявлении Начальнику II-го отд. СО ГПУ (копия в Политический Красный Крест) (л. 321). На «социалистический режим» они были переведены только на одиннадцатый день пребывания в этой тюрьме.

21 апреля в Заключение по данному делу Шиманкевич предлагал выслать членов СДСРМ в разные города, но А. Андреева резонно заметила, что это чревато организацией «в 12 городах Республики СД союзов молодежи», и предложила выслать «в г. Сапожок Рязанской губ. 1) Кранихфельда, 2) Сапир, 3) Фальк, 4) Тихомирову, 5) Якубсон, 6) Зимина, в гор. Меленки Владимирской губ.: 1) Зингаревич, 2) Гурвич, 3) Рапипорт, 4) Ланде, 5) Брауде, 6) Зуева» (л. 339). 24 апреля это постановление было объявлено заключенным, что вызвало их решительный протест ввиду того, что места их предполагаемой ссылки представляли собой мелкие захолустные города, удаленные от железной дороги, в которых невозможно найти работу и обеспечить себе пропитание и проживание, что усугублялось разделением ссыльных на две группы. Требуя «предоставления для поселения двух центральных губернских городов, лежащих на жел. дор., вне голодной зоны», в которых можно было бы найти работу, освобождения до высылки для устройства дел, отправки не по этапу и замены ссылки высылкой за границу для Ланде и Сапира (по семейным обстоятельствам), члены СДСРМ объявляли о начале голодовки с 5 ч. вечера 27 апреля (л. 353) (после переговоров с руководством СОГПУ начало голодовки было отсрочено до 12 ч. 28 апреля (л. 354)). Получив известие о том, что Ланде, Сапиру и Фальку высылка за границу отменена (ГПУ решило выпустить первых двух из страны по спискам польских беженцев, а последнего – как литовского гражданина, против чего сами они решительно протестовали), 28 апреля «по поручению коллектива с.-д. союза раб. молодежи Бор. Сапир, Л.Гурвич, Исид.Рапипорт» подали в Президиум ГПУ заявление о продолжении голодовки «за все выставленные требования» (л. 379).

В результате 9 мая 1922 г. заседание Коллеги ГПУ (судебное) постановило: «Во изменение постановления от 24/4-22 г. высылку в г. Сапожек и Меленки отменить, выслав гр. Сапира Б.М., Кранихфельда А.С., Ланде А.С., Зингаревича Н.И., Зимина А.Н. в г. Короча Курской губ.; Фалька Д.Я., Якубсона Л.С., Гурвича Л.М., Брауде А.А., Рапипорта И.С. в г. Мало-Архангельск Орловской губ.» (л. 339а).

Таким образом, мы видим, что в начале 20-х годов такое старое испытанное несколькими поколениями политзаключенных (и в то же время – крайнее, последнее оставшееся в их распоряжении) средство, как голодовка, еще оставалось весьма действенным способом тюремного сопротивления социалистов большевистскому режиму.